

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

3-27

Liv Zander

QUEEN OF ROT AND PAIN

Печатается с разрешения автора

Перевод с английского *Валерии Двининой*

Дизайн обложки *Елены Лазаревой*

Зандер, Лив

3-27 Королева праха и боли : [фантастический роман] / Лив Зандер; перевод с английского В. Двининой. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Mainstream. Темные королевства).

ISBN 978-5-17-152229-2

Я наказываю за ложь и коварство, вечное проклятие агонии и боли. И все же, когда обман моей жены досаждаст мне, я знаю, что должен сделать. Приковать ее душу к лежащему холодному трупу, которым она является, гарантируя, что она никогда не сбежит от меня.

Мой гнев, моя пытка, моя боль — и мое наслаждение. Я — Король плоти и костей, я владею каждой ее частичкой. Она моя, смерть никогда не разлучит нас.

Добро пожаловать домой, моя королева.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

© 2022 by Liv Zander www.livzander.com.

All rights reserved

© В. Двинина, перевод на русский язык, 2023

ISBN 978-5-17-152229-2 © ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

АДА

— **М**аленькая. — Мрачный, зловещий, продирающий до костей голос донесся до моего уха, обещая тысячу мучений. — Даже не думай, что я позволю тебе сбежать. — Последовал хриплый смешок, сопровождаемый странным посвистом воздуха. — Ты прикована ко мне навеки, и смерть будет твоим ошейником.

Тело мое ничего не чувствовало, точно парализованное, только голова кружилась, да разум плыл от угрожающих слов. Немигающими глазами я пораженно смотрела на то, что открывалось передо мной. Все вокруг заливал мерцающий оранжевый свет. Отблески плясали на золоте вышивок, украшающих грудь наваленных передо мной подушек из темно-красной и насыщенно-зеленой камчатной ткани. Дальше мелькали переплетенные конечности и ухмыляющиеся лица лениво развалившихся среди подушек обнаженных людей, которые посмеивались при взгляде на меня.

Да, они смеялись. Все, кроме одного.
Одной.

В проеме высокого арочного окна, в петле, на веревке, свисающей с потолочной балки, подергивалась голая женщина. Окон было много, они выходили на что-то вроде сада, где на странного вида деревьях клекотали и посвистывали красные и желтые птицы размером с воронов. Небеса, что же это за место такое? Сумасшедший дом?

— *Вот именно,* — раздался в моих мыслях мужской шепот, мягкий, вибрирующий, искушающий обещанием спасения. — *Сумасшествие — фундамент моего двора, безумие — стены его. Уж извини Леандру с ее скверными манерами... Надо же, повесилась прямо перед моими гостями, даже не поприветствовав сперва тебя. Любовь этой женщины к театральным эффектам так утомительна — как будто она не могла просто тихонечко вскрыть себе вены. Хотя вообще-то спасибо ей, что повесилась. Не так грязно, не так скверно для ковров.*

Двора? Какого двора?

— *Двора Междумыслия.*

Нет, этого не может быть.

Последнее, что я помню... Темная фетровая шляпа. Папа, стоящий в дверях нашей хижины. Свет, отражающийся на чем-то. На каком-то металле? А потом... ничего.

Что же случилось?

Кто-то немного передвинул меня, и взгляд мой упал на роскошные ковры, расстеленные на желтом камне, и на огромные красные пятна, расплывшиеся здесь и там по рыжевато-коричневой

ткани: настоящие лужи, окруженные мелкими брызгами. Что это? Кровь?

Как я попала сюда?

Я попыталась оглядеться, но ледяная апатия сковывала тело. Почему я не могу пошевелиться?

— Ужасно, не правда ли, маленькая? — Зловещий шепот, кажущийся до боли знакомым, защекотал висок, только вот странный шум — точно свист воздуха, всасываемого дырявым кузнечным мехом, — искажал голос. — В этом сумеречном состоянии полусуществования ты сохраняешь достаточно сознания, чтобы душа твоя страдала от неполноценности, но... Ах! Оторванность от оболочки не дает тебе избежать страданий.

Нет, я узнала не голос — скорее уж, интонацию, плавность, спокойствие, неизменное самообладание, от которого иглы страха впивались в мое неподвижное тело. Голос этот принадлежал человеку, чей рев, конечно, пугает — но истинный ужас несет его невозможное молчание.

Енош.

Мой бог.

Мой муж.

Мой... хозяин?

Холод еще глубже вонзил свои когти в мою плоть. Почему это слово отозвалось в моей душе, будто эхо истовой молитвы? Да имеет ли это вообще значение? Потрясенная, сбита с толку, ничего не понимающая, больше всего я хотела сейчас, чтобы он уложил меня в гнездо из мехов и перьев, обнял, обволок собой, точно надежной броней, нежно провел пальцем по моему уху.

Я хотела произнести его имя.

Но губы оставались неподвижными.

Вместо этого глубоко внутри меня звучал странный голос, совсем не похожий на мой собственный:

— *Хозяин!*

— Да, я твой хозяин. — Енош стиснул мой подбородок и повернул мне голову так, чтобы мой застывший взгляд встретился с холодным серебром его потрясающих глаз. Только вот лицо Еноша было ужасным: одна половина являла собой сплошную зияющую рану. — Ты будешь жаждать меня, повиноваться, служить мне целую вечность. И ты будешь поклоняться мне, ибо я твой бог, хранитель твоей плоти и костей.

Тошнота подкатила к горлу, я уже почти не слышала его голоса. Что с ним такое случилось?

Слева, на месте крыла левой ноздри, не осталось ничего, кроме белой кости да хряща, цепляющегося за лоскут плоти. Толстый слой копоти не мог скрыть кошмарных волдырей на коже. Щека просто отсутствовала, и воздух при каждом вдохе со свистом входил в дыру между челюстью и скулой.

— Что же мне делать с моей вероломной женой, а? Вплести тебя в трон, потихоньку, по суставчику за раз? — Он поднял мою тяжелую руку и прижал ее к своей теплой правой щеке — единственному, что еще оставалось в нем человеческого. Эта щека тоже была в саже, но в копоти что-то промыло извилистые дорожки. Слезы? — Раздробить твои кости на сотни осколков, что я вынужден был проделать со своими, чтобы твоя

коварная прелесть украсила мой трон наравне с твоим ужасным предательством?

Предательством?

Ледяной ужас впился мне между ребер, черный туман окутал мысли, воскрешая жуткие воспоминания. Треск рвущегося хлопка, чавканье погружающейся в плоть стали, ржавчина на рукояти ножа... Связных мыслей не было, их затмевали клубы дыма. Я ничего не понимала. Что тут происходит?

— Стоит ли рассказать тебе, жена, о всех зверствах, которым подвергали меня в плену, пока ты размышляла о похлебке? Обременит ли знание твою совесть виной так же, как твое вероломство изнуряет меня желанием наказать тебя? — Его чудовищное лицо приблизилось к моему, твердая короста бывшего носа ткнулась мне в скулу. — Почти две недели я провел в объятиях не угасающего ни на миг пламени и нескончаемой агонии. Лицо мое горело, горело все время, не считая тех трех раз, что меня обезглавливали священники. Один раз — чтобы посмотреть, как голова восстановится; и еще дважды просто забавы ради. А где была в это время ты, дорогая женушка? *Где. Ты. Была?*

Плен. Пламя. Священники.

Мурашки страха вонзались в голову, ужас скапливался внутри, мысли тонули в размытых воспоминаниях — и вдруг вырвались на поверхность, вмиг явив болезненно-четкую картину: нападение в лесу, пленение Еноша, мое бегство в Элдерфоллс, болезнь папы и... и мое промедление. Моя задержка. После нескольких недель плена — в течение которых бога, несомненно,

держали в огне — Енош все-таки сбежал от первосвященника.

И обнаружил, что меня нет.

Енош смотрел на меня сверху вниз с горечью и отвращением, обвиняя в предательстве. Он думал, что я нарушила свою клятву, но разве я не пыталась вернуться к нему?

Большая часть воспоминаний по-прежнему оставалась спутанной. Я уже понимала, где нахожусь, но как я тут оказалась? Енош пришел за мной? Но если так, почему он принес меня именно сюда?

— *Потому что он просто не может тебя отпустить*, — шепнул в моих мыслях Ярин прежде, чем раздался его настоящий голос: — В ее голове такой беспорядок, что я едва могу отличить одну мысль от другой, пока ее душа, цепляясь за мой голос, перемещается ко мне в царство.

Его голос. Какой же у него прекрасный голос.

Он взывал ко мне, утешая интонациями, успокаивая полутонами. «*Плюнь на все*», — убеждал он, убаюкивая разум, умиrotворяя его. Я и послушалась, расслабилась, поплыла по течению...

И увидела внизу тело женщины, помятое, побитое. Оно покоилось на дрожащих руках, держащих ее, словно подношение небесам. Я... Я знала эту женщину.

Да, знала. Это была я.

Как же странно я выглядела.

И как же мало меня это заботило.

Лицо мое было в грязи, к волосам прилипли влажные бурые листья. Щеку рассекала полузажившая алая рана. В теплом свете мерцающих

в канделябрах свечей темные тени на моей бледной коже казались еще чернее. Синее платье на животе покраснело, да и ткань там порвалась. Я не шевелилась. Даже грудь моя не вздымалась от дыхания, словно... словно...

— Ц-ц-ц. Куда это ты собралась? Как ни жаль, но я уже продал твою душу, — прошептал Ярин, после чего в зале зазвенел его веселый голос: — Одна душа в обмен на десять трупов, как и обещано. Невыгодная оказалась сделка, ведь мы оба знаем, что я мог бы тысячи лет требовать тысячи тел — и получил бы их.

Жестокая сила, словно тиски, сдавила мои мысли, копаясь в них, скребя, царапая. Потом последовал резкий рывок, и я полетела к своему телу и врезалась в него. Что-то придавило меня, словно на грудь лег тяжкий груз, и невидимые цепи сковали меня.

Резкий холод объял изнутри, впитался в плоть, добрался до мозга костей, вселяя ледяное подозрение. Кровь на моем платье, бледность, нерасширяющиеся легкие... Неужели я...

Нет. Я не мертва.

— Странно. — Передо мной возникли зеленые глаза Ярина и его недовольно надутые губы. — Часть ее души будто бы ускользает от меня, прячется в слепой зоне небытия в самой ее сердцевине. Смерть, полагаю, наступила внезапно?

Давление за ребрами усилилось, пробуждая боль, паника пронзила внутренности. Нет, я не мертва. Как я могу быть мертвой, если вот же я, здесь? Голова кружилась. Подкралась горячка безумия. Отступила. *«Я не мертва, — кричал разум, — не мертва, не мертва, не...»*

— Тсс, у меня от тебя виски ломит. — Голос Ярина приласкал, успокоил мятущуюся душу. — Енош, помнишь того смертного, который поддерживал огонь после того, как тебя захватил лорд Тарнем? Ну, того, которого ты закопал? Видя, как твоя жена теряет рассудок, я не могу не вспомнить о нем. Это, должно быть, ужасно, когда душа твоя прикована к телу, а сам ты обречен провести вечность в земле, в компании одного лишь собственного разума.

— Гм-м, припоминаю. — Приподнятые уголки губ Еноша отразили легкое недоумение. На грязный лоб упала смоляная прядь: она медленно росла, удлиняясь. — Ах, моя подлая, неверная жена, может, мне опустить тебя в могилу и забросать грязью? И оставить там, вот в этом твоём беспомощном состоянии, на столько же дней, сколько я страдал ради тебя на костре?

Страх крался по моим венам, холодя кровь. Неужели это тот самый мужчина, который принес гниль детям, раздув в моей душе искру привязанности? Его серые глаза сузились и зловеще потемнели, как будто он уже представлял, как я лежу в сырой земле...

...и наслаждался этим.

Я не мертва!

— О, это я слышу, внятно и четко. — Ярин хихикнул. — Она думает, что жива. Как и все они. Ну, так как это случилось?

— Смертные пырнули ее ножом в живот, — сказал Енош, и мысли мои тошнотворно завертелись. — Возможно, думали, что она носит мое дитя. Несомненно, первосвященник Декалон

предпочел бы видеть ее живой, чтобы заполучить рычаг давления на меня.

Смертные пырнули ее в живот.

Думали, что она носит дитя.

Тьма накрыла мой окаменевший разум, превращая черные тени в искаженные воспоминания. Приступы рвоты после каждой еды. Чашка с проросшими семенами. Роза, гнусная сука. И клинок, погружающийся в мою плоть. И эхо мужского голоса: «Кому ж захочется рисковать, когда в ее брюхе, может, сидит дьявольское отродье?»

Потрясение.

Шок.

Оторопь.

Легкие обожгло.

В глазах помутилось.

Я мертва.

Мучительная боль наполнила все внутри меня, потеря поселилась к груди, накрывая меня горем. О мой бог, я мертва, мертва, как и мой нерожденный ребенок. Меня убили. Лишили меня ребенка, единственного... Единственного, что я когда-либо...

Ох! Я не могу дышать! Я задыхаюсь, задыхаюсь от невыносимой боли и недостатка воздуха.

Дыши!

Тело игнорировало приказ.

Мышцы отказывались растягиваться, грудь сжалась, облепив засевший внутри ком ужаса, пылающий под ребрами, сжигающий нутро, опаляющий спину.

Душащий меня.

— Разум твоей жены в данный момент такой хрупкий и сбивчивый, что это прямо-таки сводит меня с ума, — выдавил Ярин. — Будешь держать ее так, братец, и душа ее впадет в такое отчаяние, что даже я не смогу ничего исправить.

Енош зажмурился, сделал три громких свистящих вдоха сквозь дыру в щеке и прорычал:

— Встань!

Я глубоко вдохнула, наполнив легкие воздухом, и тут же пожалела об этом, ибо тошнотворная вонь обугленной плоти и жженных волос опалила и сдавила мне гортань, не давая провить:

— Мой ре...

Енош грубо стиснул мое горло, ставя меня на подгибающиеся ноги:

— Я верил тебе. Доверял. Я пожертвовал собой, чтобы ты могла убежать, а ты меня бросила. Нарушила клятву, столь же легко и быстро, как и любой из твоей омерзительной породы. — Рука его соскользнула с моего лица, лишая меня тепла, и Енош сделал шаг назад, болезненно увеличив расстояние между нами. — Моя коварная, подлая, вероломная жена... Я *обожал* тебя, как никого на свете.

Я вздрогнула. Пустота между нами казалась ледяной стеной. От ее холода стыла неподвижная кровь в моем мертвом сердце. Он, верно, сошел с ума от ярости. Иначе почему он говорит о предательстве, даже не упоминая о моем ребенке?

О *нашем* ребенке!

Подталкиваемая отчаянием, притягиваемая жаром его тела, я потянулась к его груди:

— Я все могу объяснить, но мне нужно знать...

— Ш-ш-ш... — Он прижал ладонь к моему рту, и бесценное тепло опалило мне губы. — Я не желаю больше слушать твою ложь, маленькая. Твоя плоть и кости беспокойны, их влечет к Бледному двору. В конце концов, именно там твое место, среди останков мертвых, моя холодная, бесчувственная жена.

— М-м-м-х-ммм...

Ужас наполнил мою грудь. Я вскинула руку, протиснула кончики пальцев под ладонь мужа — и коснулась грубой, точно пергаментной, кожаной заплаты, запечатавшей мои склеившиеся губы. Я согнулась пополам и рухнула на землю, оказавшись в окружении повизгивающих и хихикающих трупов Ярина.

Тысячу раз, тысячью смертей умерла моя душа, когда я потянулась к Еношу, умоляя об утешении, крича всем своим существом: «*Хозяин, хозяин!*»

— Да, я твой хозяин, а смерть — твоя вечная тюрьма. — Пренебрежительный взмах руки поставил меня на дрожащие ноги. Согнутым пальцем он подцепил мой подбородок и задрал мне голову навстречу своей кривой ухмылке. — Я буду твоим стражем, твоим судьей, твоей карой, но... Увы, *никогда* я не стану твоим прощением.

Глава 2

АДА

Слабость смяла, скрутила тело. Едкая злоба Еноша потрясла меня до глубины души, превратив в дрожащее растоптанное месиво. Разве он не чувствует дитя? Или ему, объятому гневом, все равно? Неужели ребенок мертв? Мертв — в моем животе? Или моя утроба уже исторгла его?

Каждый раз, когда я пыталась разлепить губы, чтобы выразить свою скорбь, кожаная заплатка на рту натягивалась, причиняя жуткую боль, вонзающуюся даже в ноздри.

Мне нужно было знать!

Я принялась скрести ногтями лоскут, но пальцы мои слишком сильно дрожали, да и все тело сотрясал дьявольский озноб. Почему так холодно?

— Не останешься еще ненадолго, братец? — В руке Ярина вырос украшенный сотнями сверкающих камней кубок, а сам Ярин, полностью обнаженный, блаженно погрузившись в океан подушек, откинул назад золотисто-каштановые волосы. — Наблюдать за вашими семейными сценами — такое наслаждение, что я уже тоже почти подумываю поискать себе жену.

Енош усмехнулся:

— Отправь нас к Бледному двору или к моей лошади, какая там мысль смертного ближе.

— Как пожелаешь, — сказал Ярин, и тут же его двор растворился в сером тумане, плывущем над покрытой инеем бурой травой. В тумане, из которого далеким эхом донесся голос:

— Не залей сапоги.

Влажный воздух, пахнувший древесной трухой и плесенью, коснулся моих щек. Где мы?

Взгляд мой, блуждающий по туманному луку, остановился вдруг на тонкой желтоватой струйке. У дерева, широко расставив ноги, упершись одной рукой в ствол, а другой придерживая свое хозяйство, стоял и мочился солдат в кольчуге.

— Мы нашли его мертвую лошадь, она брела к Порченым полям!

Повернувшись на крик, солдат увидел рядом с собой Еноша — только вот слишком поздно.

— Во имя Хелфы...

Ладонь Еноша легла на затылок солдатского шлема. Один толчок, и мужчина врезался лицом в морщинистый ствол. Раздался довольно громкий и неприятный хруст, струйка мочи ударила сильнее, затем резко иссякла. Солдат с глухим стуком рухнул на поросшую мхом землю. Лицо его превратилось в бесформенное месиво из крови и раздавленных хрящей.

Я взвизгнула, но кожаная заплатка заглушила звук.

Мой муж схватил меня за порванный рукав платья и потащил за собой к полю. Я то и дело спотыкалась, ноги заплетались. Спотыкались, заплетались и мысли. Меж тем Енош сотворил

из костей множество острых шипов и метнул их в маленький отряд солдат.

И пока убитые падали на землю, он обхватил меня за талию и забросил на спину гнедой лошади. Потом молча вскочил в седло позади меня и пустил скакуна галопом, оставив позади солдат, зажимающих дыры в горле и истекающих кровью среди увядшей травы.

Я засунула пальцы в щель между лошадиной холкой и скрипящей лукой седла, ловя равновесие — и тончайшую нить рациональных мыслей. Ничего иного у меня не осталось, предела я достигла еще до смерти. Папы, должно быть, не стало, и я теперь одна в этом перекосившемся мире, несу свое горе в душераздирающем молчании.

Енош не собирался предлагать мне никакого утешения, у него не было для меня ничего, кроме угроз и презрения. Тяжесть его равнодушия задевала, но мне все-таки нужно было сосредоточиться. В глубине души я понимала, откуда проистекает ощущение предательства, которым охвачен Енош. И как только я найду способ избавиться от кляпа, то отложу собственное горе в сторонку и все ему объясню.

Поездка на Бледный двор заняла целую вечность, давая прекрасную возможность заново, в воспоминаниях, пережить свою смерть и предъявляя мне мои же ошибки. Как я помогла Розе справиться с болью, подпитав ее подозрения. Как пыталась обменять на мула тот проклятый камень, который валяется сейчас где-нибудь в грязи, потому что я не чувствую в кармане его веса. Как хотела продлить жизнь папы — только ради того, чтобы в конечном счете мы оба умерли. Вероятно.